Константин Ботте́

Большая игра. Особый отдел

Большая игра

Константин Ботте́

Большая игра. Особый отдел

«Автор»
2026

Ботте́ К.

Большая игра. Особый отдел / К. Ботте́ — «Автор», 2026 — (Большая игра)

Над Европой сгущаются сумерки Большой игры. Пока в Петербурге доживает последние месяцы эпоха императора Александра III, агенты Уайтхолла готовят дерзкий удар в самое сердце Российской империи. Через женевское подполье русских радикалов британский куратор Артур Блэквуд переправляет на Балтику шхуну со шведским динамитом и детонаторами.Чтобы сорвать диверсию, легендарный полковник Отдельного корпуса жандармов Родион Воронецкий, известный в лондонских архивах как Призрак Гатчины, отправляет в Швейцарию своего лучшего ученика, молодого поручика Александра Зарецкого. Но очень скоро выясняется, что ловушка захлопнулась с двух сторон. Каждый шаг поручика в Женеве известен врагу, а в коридорах Департамента полиции на Фонтанке затаился высокопоставленный предатель под именем Янус.Четвёртая книга тетралогии «Большая игра». Динамичный историко-шпионский триллер о тайной войне Российской империи конца XIX века, где ставки выше жизни, а цена ошибки – судьба страны.

© Ботте́ К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12

Константин Ботте́
Большая игра. Особый отдел

Глава 1

Глава 1. Кабинет на Фонтанке

Майское утро 1894 года выдалось туманным. Серая пелена тянулась с Финского залива. Балтийская мгла, напитавшаяся дымом фабричных труб Выборгской стороны, плотным саваном висела над проспектами. Свет редких электрических фонарей у Аничкова моста едва пробивал эту вязкую дымку, превращая пролётки и силуэты жандармских патрулей в размытые тени

В небольшом, строго обставленном кабинете особняка на Фонтанке, 16 царила чинная тишина. Здесь не было золочёного блеска министерских залов. Потемневшие дубовые панели, большие шкафы, плотно набитые папками с секретными литерами, да огромный письменный стол, заваленный картами Генерального штаба, составляли всю обстановку особого делопроизводства Отдельного корпуса. В углу мерно потрескивали дрова в голландской печи, наполняя комнату сухим теплом**.**

Полковник Воронецкий стоял у окна, всматриваясь в серую уличную дымку. На нём был строгий тёмно-синий сюртук Отдельного корпуса жандармов. Родион сильно постарел за эти годы. Его волосы густо припорошила седина, а под глазами залегли глубокие тени от хронической бессонницы.

Большая игра, которой он отдал всю жизнь, коренным образом изменилась. Романтическая эпоха открытых дуэлей с британскими агентами ушла в небытие вместе с телом Уильяма Кортленда, погребённым на дне Темзы. Наступало новое время. На смену лондонским лордам приходили законспирированные кружки, подпольные типографии и молодые фанатики, готовые жечь империю с разных концов. Особый заграничный стол Департамента полиции, который Воронецкий возглавил по высочайшему повелению, должен был стать главным щитом трона в этой невидимой войне

Полковник повернулся к столу. На краю полированной столешницы лежала свежая газета «Правительственный вестник». Крупный заголовок казённым шрифтом извещал о введении жёстких правил паспортного контроля на границе с Великим княжеством Финляндским. Воронецкий открыл массивную кожаную папку с **а**гентурными донесениями из Женевы и Парижа и начал перелистывать тонкие листы. Ему нужна была новая математика шпионажа, способная перехватывать мысли террористов до того, как те купят порох.

Раздался осторожный стук в дверь.

– Войдите, – негромко произнес полковник.

В кабинет упругой походкой вошёл молодой человек в безупречно сидящем мундире поручика. Александр Зарецкий был его лучшим учеником и персональным протеже. Воронецкий приметил перспективного офицера ещё три года назад в гвардейском полку и перетянул к себе в Особый заграничный стол. Молодой офицер обладал великолепной интуицией, цепким умом и обострённым чувством полковой чести. Зарецкий был человеком новой формации. Он не знал запаха текинского пороха, зато безупречно разбирался в химии взрывчатых веществ и тайных маршрутах подпольных типографий Европы.

– Ваше высокоблагородие, экстренный рапорт из Женевы, – Зарецкий вытянулся, протягивая запечатанный конверт. – Наши филёры в Швейцарии заметили тревожное оживление

в кружке радикалов. Из Лондона туда прибыл новый эмиссар британской разведки по имени Артур Блэквуд.

Воронецкий резко вскинул голову, его серые глаза сузились.

– Блэквуд? Ученик покойного Кортленда. Уайтхолл всё-таки прислал замену своему Призраку. Что в рапорте?

– Блэквуд тайно встречался с руководителями женевского подполья в кофейне на набережной Роны, – Зарецкий сделал шаг ближе, его голос дрожал от сдерживаемого азарта Большой игры. – Британцы открыли для русских эмигрантов неограниченный кредит в банке Женевы. На эти деньги закупается новейший шведский динамит. Блэквуд направляет удары террористов не просто по губернаторам, они готовят чудовищный взрыв в Кронштадте, чтобы уничтожить наши новые судостроительные верфи. Почерк тайных поставок пугающе знаком.

Воронецкий медленно взял конверт и аккуратно вскрыл его. Внутри лежал расшифрованный текст перехваченной в Женеве шифрограммы. Полковник вчитывался в столбцы букв. Ритмика замен, способ округления цифровых рядов и использование старых дипломатических маркеров указывали на одну и ту же зловещую тень. Это был почерк графа Валериана Николаевича Воронцова-Вельяминова

Старый изменник, всеми забытый и запертый под домашним арестом в своем дальнем псковском имении, не смирился с поражением. Лишённый постов, граф умудрился сохранить связи со своими старыми лондонскими хозяевами. И теперь он был в связке с Блэквудом, чтобы разыграть свой финальный, кровавый гамбит. Он спонсировал нигилистов, надеясь погрузить империю в хаос и вернуть себе власть.

– Они думают, что мы ослепли, – произнёс Воронецкий, поднимая глаза на поручика. – Они уверены, что правила игры снова пишутся в Лондоне. Мы докажем им обратное. Собирай вещи, Зарецкий. Завтра утром ты отправляешься в Женеву под видом беглого студента-разночинца, исключённого из Казанского университета за бунт. Твоя задача заключается во внедрении в эту ячейку. Ты должен узнать, какую партию Блэквуд разыгрывает руками наших динамитчиков, до того, как их груз пересечёт границу. Это твоё первое самостоятельное дело. И помни, Большая игра не прощает идеализма.

Зарецкий подобравшись, коротко кивнул.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие. До Кронштадта этот груз не дойдёт.

***

Сумерки стремительно опустились на Фонтанку, превращая мокрую торцовую мостовую в грязные, блестящие зеркала. Газовые рожки в коридорах загорались один за другим с тихим шипением. Воронецкий сидел за столом, не зажигая лампы. Дубовая дверь едва слышно скрипнула. Полковник не шелохнулся, он узнал этот лёгкий шаг

В комнату вошла Анна Воронецкая – его супруга и негласный мозг шифровального дела. Годы не согнули её безупречную осанку.

– Александр уезжает в Женеву? – тихо спросила она, ставя перед ним чашку горячего чая с лимоном. Её пальцы на секунду коснулись его ладони.

– Уезжает, – Воронецкий сделал глоток. – Блэквуд поднял архивы Кортленда. Старый граф Воронцов из своего Пскова шлёт шифровки через шведские каналы. Анархисты пытаются переправить динамит в Кронштадт. Судя по всему, повезут морем. Нам нужно перехватить эту шхуну до того, как они взорвут доки и стапели флота.

Анна опустилась на лавку напротив него. Её темные глаза были полны спокойствия.

– Я выстроила для Зарецкого новую шифровальную матрицу четверного замещения. Мой провод свяжет Женеву с Фонтанкой напрямую, минуя министерские кабинеты. Блэквуд не взломает этот шифр.

Родион посмотрел на неё, и его суровое лицо на секунду смягчилось. Их связывало великое родство душ, скреплённое опасностями в трущобах Ист-Энда. Теперь они были гроссмейстерами Большой игры, которые двигали фигуры на шахматной доске мира.

– Нам нужно будет навестить Воронцова в Пскове, – произнес Родион. – Когда Зарецкий перехватит динамит в Женеве, я лично поеду в его усадьбу. Пора закрыть этот старый счет раз и навсегда. Наша финальная партия начинается.

Анна молча кивнула и повернулась к выходу, спеша обратно в свой шифровальный отдел, где уже застрекотал аппарат Сименса. Курьеры уносились в ночь, а в своём кабинете полковник Воронецкий остался наедине с картами.

Глава 2

Глава 2. Наследник Призрака

Июньский полдень над Женевским озером дышал зноем, и лишь со стороны ослепительных вершин Савойских Альп изредка тянуло лёгкой прохладой. Зеркальная гладь воды слепила глаза, но стоило отвести взгляд к набережной, как иллюзия безмятежности исчезала. Здесь, среди фешенебельных отелей, закрытых банковских контор и шумных террас, бурлила разноязыкая толпа, а в воздухе смешивались густой запах кофе и медовый аромат цветущей липы. Для случайного путешественника Женева казалась самой тихой и безопасной гаванью Европы, но поручик Зарецкий прекрасно знал, что за этим благопристойным фасадом давно скрывается главное осиное гнездо русской революционной эмиграции.

Александр Зарецкий стоял у кованого парапета моста Монблан, лениво покуривая папиросу. На нём не было строгого офицерского мундира, к которому он привык в Петербурге. Для этой заграничной командировки Департамент полиции подобрал ему безупречную гражданскую маску: поношенный летний пиджак из грубого немецкого сукна, дешёвую сорочку, какие обычно носили студенты-разночинцы, и потемневшую от дождей фетровую шляпу, небрежно сдвинутую на затылок. Во внутреннем кармане жилета, зашитая под подкладку, покоилась новая шифровальная таблица четырёхкратной подстановки, которую Анна Воронецкая лично составила перед его отъездом. Официально в Швейцарию прибыл нигилист Сергей Иванов, исключённый из Казанского университета за студенческие беспорядки. Неофициально же лучший ученик Родиона Воронецкого вступал в свою первую Большую игру на чужом поле.

Зарецкий затушил папиросу о гранит парапета и взглянул на карманные часы. Половина двенадцатого. Через полчаса в дешёвом кафе «Дю Рон» на рабочей окраине города должны были собраться руководители радикальной социалистической ячейки. Поручик двинулся в путь медленно, нарочито ленивым шагом, но его цепкий взгляд фиксировал каждую деталь уличного движения. Женева кишмя кишела не только русскими бомбистами. За каждым углом здесь могли прятаться соглядатаи британского Адмиралтейства, тайные агенты Форин-офиса или ищейки местной полиции. Александр чувствовал тяжесть этой ответственности. Родион Иванович доверил ему дело, от которого зависела безопасность Кронштадтского порта и его верфей. Он обязан был доказать, что достоин своего учителя.

Поручик свернул в узкий, тесный проулок, где пахло сыростью и кислым дешёвым вином. Здесь, в глубине затенённой деревянной террасы кафе, за столом, заляпанным кофейными пятнами, сидели трое мужчин в поношенных рабочих куртках. Зарецкий незаметно перевёл дух, поправил воротник потёртого пиджака и небрежной, но уверенной походкой направился прямо к ним. Ему предстояло внедриться в этот замкнутый кружок, бросив им в качестве наживки тайные тропы финляндской контрабанды, и выжечь вражескую сеть до того, как шведский динамит пересечёт границы империи. Большая игра начиналась для него без права на малейшую ошибку.

Внутри кафе «Дю Рон» было душно. За липкими деревянными столами в полумраке сидели беглые русские курьеры, наборщики и вечные студенты, чьи головы были до отказа забиты прокламациями. Они говорили приглушённым шёпотом, но в этом шелесте голосов Зарецкий отчётливо улавливал ту самую лихорадочную интонацию, которая заставляла мальчишек бросать бомбы на петербургских мостовых. Здесь не было места светским манерам.

Миновав террасу, Александр прошёл в глубину зала и, дождавшись едва заметного кивка от сидевшего у стены связного, опустился на свободный стул с краю центрального стола. Во главе его сидел вожак ячейки – беглый студент-технолог по кличке Степан. Тот хмуро вперился в незнакомца, а его правая рука в кармане куртки инстинктивно сжала рукоять револьвера.

– Ты ошибся адресом, приятель, – сухо произнёс Степан по-русски, демонстративно сплюнув на грязный пол. – Мы чужаков за свой стол не сажаем. Слишком много развелось в Женеве ищеек с Фонтанки. Убирайся отсюда подобру-поздорову, пока мои парни не вывернули твои карманы и не спустили тебя в Рону.

– Я пришёл именно по адресу, – Зарецкий даже не моргнул. Его голос звучал ровно, дерзко и нагло, в точности копируя манеру самого Воронецкого во время допросов. Не делая резких движений, он сунул руку во внутренний карман потёртого пиджака и выложил на залапанное дерево стола свёрнутую в трубку плотную бумагу с казёнными штемпелями. – Меня выгнали из Казанского университета за студенческий бунт, жандармы висели на хвосте до самой границы. Но я уходил не с пустыми руками. Мой дядя служит столоначальником в Департаменте таможенных сборов. Здесь точные карты пограничных кордонов и расписания обходов на финляндской границе – все тайные тропы от Выборга до Сестрорецка. Мне надоело слушать ваши пустые речи в листовках. Я хочу дела. Настоящего, громкого дела, от которого содрогнётся вся Фонтанка и Департамент полиции.

Степан замер, его глаза лихорадочно и жадно блеснули при виде секретных топографических чертежей. Безопасные пограничные маршруты были главным, вечным дефицитом женевского подполья. Без них любая контрабанда оружия и взрывчатки оборачивалась арестами на границе. Вожак медленно переглянулся со своими соратниками, и в его взгляде недоверие уступило место расчётливому торжеству. Они поняли, что этот дерзкий беглец может стать их пропуском в Россию.

– Такие карты хороший входной билет, – Степан аккуратно, стараясь не помять, прижал ладонью чертежи, но взгляда не отвёл. В глубине его зрачков вспыхнула опасная настороженность. – Только вот в Казани, откуда ты якобы сбежал, всю вашу ячейку сдал охранке некий Григорий Гершуни. Ты лично с ним знаком?

Зарецкий внутренне подобрался. Это была проверка. К счастью, Воронецкий перед отъездом заставил его наизусть выучить все жандармские сводки по Казанскому университету.

– Хреновый из тебя вожак, раз ты путаешь имена, – нагло ухмыльнулся Александр, откидываясь на спинку стула. – Про Гришку Гершуни я слышал. Только он сейчас в Киеве на провизора учится и к Казани отношения не имеет. А нас сдал часовой мастер Исаак, подбросив прокламации в студенческое общежитие. Из-за него двое моих друзей сейчас харкают кровью в якутской ссылке. Из-за него и мне пришлось вскрыть несгораемый шкаф дяди, пустить родственника под суд и бежать через шведскую границу. У меня пути назад нет.

Степан несколько секунд молча буравил Александра тяжёлым взглядом. Тишина за столом, казалось, звенела. Наконец вожак медленно разжал пальцы на рукояти револьвера в кармане и шумно выдохнул:

– Ладно. Зубы у тебя острые. Посмотрим, каков ты в деле... Завтра в сумерках будь у вокзала Корнавен. Мой человек выведет тебя к заброшенной лодочной станции за Бельривом. В полночь там состоится передача одной посылочки от наших лондонских друзей. Поедешь со мной.

Зарецкий сдержанно кивнул, скрывая под маской холодного равнодушия бешеный стук собственного сердца. Мозаика, заложенная Родионом Ивановичем в Петербурге, сошлась с идеальной точностью. Агенты Форин-офиса действительно использовали русских радикалов втёмную. Теперь перед Зарецким открывалась дверь в самое сердце ячейки.

***

Сумерки опустились на Женеву стремительно, превращая зеркальную гладь озера в чёрную полосу. Газовые фонари на набережной загорались один за другим, выхватывая из наступающей мглы силуэты старых лип. Зарецкий возвращался в свою скромную комнату на

окраине города после долгого разговора с подпольщиками. Он шёл быстрым шагом, но натренированный слух чётко фиксировал сзади, в тридцати шагах, мерный цокот чужих каблуков. Наружное наблюдение за ним вели от самого кафе «Дю Рон». Кто-то очень умело вёл русского студента, не приближаясь и не отставая.

Поручик резко свернул направо, в узкий, тёмный проулок между двумя глухими каменными стенами складов, где не горели фонари. Шаги сзади на секунду смолкли, а затем заметно ускорились. Преследователь заглатывал наживку, стремясь во что бы то ни стало не упустить беглеца в темноте переулка.

Александр замер в глубокой нише у самой стены, полностью слившись с кирпичной кладкой. Он сунул руку под полу пиджака, и пальцы сжали холодную рукоять револьвера. Горячая волна ударила в виски, заставив сердце биться чаще. Зарецкий заставил себя дышать медленно и ровно, как учил полковник Воронецкий.

Из серой завесы тумана плавно и совершенно бесшумно вынырнула высокая, худощавая фигура в лёгкой английской крылатке и сером котелке. В правой руке незнакомец держал трость. Это был Артур Блэквуд – молодой глава британской агентуры в Женеве, преемник покойного Кортленда.

Блэквуд остановился в пяти шагах от него. Они стояли друг напротив друга в зыбком полумраке глухого переулка, разделённые лишь сырой пеленой озёрного тумана. Это была их первая очная ставка, и британец держался так, словно чувствовал себя полным хозяином положения.

– Добрый вечер, поручик, – негромко, с лёгкой иронией произнёс Блэквуд по-французски. Его изысканный английский акцент прозвучал в тишине переулка пугающе спокойно. Бледный отсвет далёкого газового фонаря на секунду выхватил холёное лицо с тонкими усиками и холодным, оценивающим взглядом, выдававшим в нём истинного лондонского хищника нового поколения. – Вы довольно неплохо разыграли эту комедию перед нашими глупыми нигилистами. Но вы забыли, что Женева – это прозрачный аквариум. Мы научились вычислять людей Воронецкого ещё во время прошлых лондонских событий. Мы видим каждый ваш шаг, и ваши подложные паспорта для нас просто пустая бумага.

– Вы слишком уверены в себе, Блэквуд, – ответил Александр, не опуская револьвера под полой пиджака. – Кортленд в Лондоне тоже думал, что правила Большой игры пишутся исключительно в Уайтхолле, пока Темза не приняла его тело в качестве окончательной платы. Один мой выстрел прямо сейчас, и швейцарская полиция найдёт ваш серый котелок в водах озера ещё до рассвета. Здесь нет ваших батальонов.

Британский шпион тихо, издевательски рассмеялся, и этот сухой смех в сыром воздухе заставил Зарецкого ещё крепче сжать рукоять оружия.

– Темза умеет хранить тайны, поручик, это правда. Но вы зря полагали, что на Фонтанке умеют играть в шахматы так же хорошо, как в Лондоне, – Блэквуд сделал полшага вперёд, откинув полу крылатки, и серебряный набалдашник его трости тускло блеснул в полумраке. – Кронштадтский рейд взлетит на воздух в любом случае, с вашим участием или без него. Мы уже передали шхуне новые сигналы и пароли, и ваш Департамент полиции просто не успеет перехватить этот балтийский подарок. Вы заперты в Женеве, мистер Зарецкий. Завтра на лодочной станции за Бельривом мои люди заберут карты финляндских троп у этих нигилистов, а вас самих отправят на дно озера. Степан сделает это с огромным удовольствием, как только я намекну ему, чьи погоны прячутся под вашим немецким пиджаком. Возвращайтесь к вашему престарелому полковнику в Петербург, пока капкан Большой игры не перебил вам хребет. Динамит уже в пути.

Англичанин резко повернулся, взмахнув полой крылатки, и в одно мгновение растворился в сырой завесе тумана, словно его никогда и не было в этом проулке. Лишь мерный стук

его каблуков по мокрой брусчатке ещё несколько секунд разносился между глухими каменными стенами.

Зарецкий медленно опустил руку с револьвером и тяжело, прерывисто вздохнул. Блэквуд прощупал дистанцию, открыто обозначил свои позиции и сам назвал место – лодочную станцию за Бельривом. Это был прямой вызов всей секретной службе империи. Охота на наследника Призрака началась на берегах Роны, но теперь у поручика было точное место грядущей засады Уайтхолла. Ищейка встала на след.

Глава 3

Глава 3. Налет на Везен

Июньская ночь опустилась на побережье за Бельривом плотной, осязаемой чернотой. Туман, выползавший со стороны бездонного Женевского озера, намертво стёр очертания прибрежных ив, превратив береговую линию в призрачный край земли. Вода у старого пирса стояла тёмной полосой, лениво и глухо облизывая полусгнившие бревенчатые сваи. Изредка где-то вдали, на фарватере, раздавался тоскливый гудок проходящей баржи, но здесь, у заброшенной лодочной станции, царило гнетущее затишье. Воздух был наэлектризован предчувствием порохового дыма и пах сыростью, прелой тиной и мокрым кирпичом старого эллинга.

Зарецкий сидел на перевёрнутом деревянном ящике в глубине тёмного, полуразрушенного сарая, служившего когда-то складом для рыбацких сетей. Это было его первое боевое дело против тайных агентов британской короны. Приближалась полночь – час, назначенный Степаном для передачи детонаторов и новых сигнальных таблиц Кронштадтского заговора. В этой заброшенной заводи Александр мог рассчитывать только на собственную реакцию и револьвер. Блэквуд обещал устроить ему кровавую баню, и эта угроза висела над эллингом, как взведённый курок.

– Товар прибыл, – из темноты дверного проёма бесшумно вынырнула коренастая фигура Степана. Вожак женевских нигилистов тяжело дышал, его лицо было бледным от лихорадочного возбуждения. Позади него замерли трое боевиков. – Лодка из Эвиана пришвартовалась у дальнего мола. Английский курьер привёз оцинкованный ящик. Всё идёт по плану.

Александр не ответил. Он всматривался сквозь сырую мглу тумана туда, где у кромки чёрной воды покачивался силуэт лодки. Нужно было сломать чужую игру руками самих же бомбистов.

– Погоди, – тихо произнёс Зарецкий, перехватывая вожака за локоть. – Нас ведут на убой.

Степан вздрогнул, его рука инстинктивно дёрнулась к карману куртки, где лежал револьвер.

– Что ты мелешь? Картами своими торгуешься в последний момент?

– Час назад я путал следы у Бельрива, – не моргнув глазом соврал Александр, придвигаясь вплотную к Степану. – И наткнулся у чёрного входа в отель на дорогую карету. В неё садился англичанин в сером котелке. Рядом с ним стоял курьер, который только что причалил на этой лодке. Я подошёл со стороны сада и слышал всего несколько фраз по-французски. Знаешь, о чём говорил этот господин?

Степан замер, в темноте было слышно его тяжёлое, прерывистое дыхание. Нигилисты панически боялись тайных сговоров за их спинами.

– Ну? Не тяни! – прохрипел вожак.

– Англичанин приказал курьеру: «Новенького пристрелить при передаче, а посылку Степану не отдавать. Забирайте карты и уходите в Эвиан. Хватит кормить этих русских дураков».

Зарецкий почувствовал, как Степан под его рукой напрягся как струна. Александр бил в самую уязвимую точку. Революционеры всегда догадывались, что агенты Уайтхолла презирают их и используют как пушечное мясо.

– Твари... Английские шкуры... – прошипел Степан, и его лицо перекосилось от ярости. Паранойя сработала безупречно. – Решили забрать твои карты границы, а нас оставить без динамита?

– Похоже на то, – Александр мягко взвёл курок револьвера прямо в кармане пиджака, готовый к любому исходу. – Англичанин решил, что мы послушные марионетки. Но у меня мосты сожжены. Мы возьмём лодку штурмом, отрежем им путь к воде и заберём ящик сами.

Если я соврал, то пустишь мне пулю в затылок прямо на этом пирсе. Ну? Или вы только в кафе мастера языками чесать?

Степан обернулся к своим боевикам, чьи глаза дико блестели в темноте сарая, и хмуро кивнул:

– К лодке. Тихо. Оружие к бою.

Озёрный туман у Бельривского мола был таким густым и маслянистым, что силуэт пришвартованного баркаса казался бесформенным чёрным пятном. На его носу тускло горел керосиновый фонарь.

Степан и трое его боевиков скользили по доскам пирса бесшумно. Зарецкий шёл чуть позади, держа руку в кармане пиджака на взведённом курке «бульдога». Он знал, что Блэквуд где-то рядом, в этой серой сырости.

– Эй, на баркасе! – приглушённо позвал Степан, остановившись у самого края мола. – Товар на месте. Показывайте ваш ящик.

Из тумана, с палубы судна, раздался сухой английский выговор:

– Сначала карты. Наш джентльмен не любит ждать.

Александр заметил, как из темноты рубки показалась фигура в длинном плаще, державшая в руках небольшой оцинкованный ящик со свинцовыми пломбами. Но поручик с его военной выучкой успел разглядеть и другое: у борта, прячась за наваленными сетями, замер ещё один человек, и в его руке тускло блеснула сталь воронёного ствола. Англичане не собирались отдавать детонаторы. Они ждали, пока Степан выполнит уговор и прикончит «Иванова».

– Они целятся в нас! Бей их! – крикнул Зарецкий, ломая чужой замысел.

Он выстрелил прямо через ткань своего пиджака. Грохот короткоствольного «бульдога» разорвал ночную тишину, высветив туман огненным сполохом. Пуля Александра разнесла керосиновый фонарь на носу баркаса. В ту же секунду пирс утонул в кромешной тьме, звоне разлетающегося стекла и криках.

Степан, охваченный яростью, выхватил свой тяжёлый «Смит-Вессон» и открыл огонь по палубе. Боевики бросились на штурм, стреляя на ходу. С баркаса ответили частыми, хлёсткими выстрелами. Британцы палили из скорострельных «Веблеев», выплёвывая свинец с пугающей быстротой. Один из нигилистов с глухим стоном рухнул на доски пирса и покатился к воде.

Александр прыгнул на борт, уходя от ответного огня. Палуба тяжело качнулась под ногами ворвавшихся людей. В полумраке, прорезаемом вспышками выстрелов, поручик увидел английского курьера. Тот, отстреливаясь с левой руки, правой отчаянно прижимал к себе оцинкованный ящик и пятился к корме, пытаясь дотянуться до ножа, чтобы обрубить швартовы.

Зарецкий перемахнул через фальшборт. Англичанин заметил его и развернул ствол, но Александр в падении сбил врага с ног. Они покатились по грязной, пахнущей рыбой палубе. Британский агент оказался силён. Он рванулся, полоснув Зарецкого рукоятью револьвера по лицу, рассекая скулу. Александр перехватил его запястье, упираясь коленями в грудь противника.

В этот момент Степан выстрелил в курьера почти в упор. Пуля крупного калибра отбросила англичанина назад. Умирая, тот разжал пальцы.

Тяжёлый оцинкованный ящик со свинцовыми пломбами выскользнул из его рук, ударился о дубовый планширь борта, перевернулся и с громким всплеском канул в чёрную воду Женевского озера прямо у второй портовой сваи. Зарецкий мысленно зафиксировал этот ориентир.

– Ящик! – дико закричал Степан, бросаясь к краю палубы. – Ящик утонул! Наш Кронштадт на дне!

Вода вокруг баркаса бурлила, скрывая драгоценный груз Уайтхолла. Перестрелка затихала. Второй британский стрелок, раненный в плечо, прыгнул в воду с противоположного борта

и растворился в тумане. На палубе остались только тяжело дышащие нигилисты, труп курьера и Александр, у которого по щеке струилась горячая кровь.

Из глубины тумана со стороны города донёсся пронзительный, заливистый свисток, а за ним второй. Полиция Женевы реагировала быстро.

– Уходим! Живо! – гаркнул Степан, оглядываясь на пирс. – Рубите концы, чёрт вас дери!

Двое уцелевших нигилистов в панике бросились к фальшборту. Один из них принялся исступлённо рубить топором натянутый причальный канат. Дерево затрещало, пенька с глухим хлопком лопнула, и катер, качнувшись, начал медленно отходить от чёрных свай мола.

– Заводи! – крикнул Степан, кидаясь к штурвалу в крошечной открытой рубке.

Блеснули револьверные вспышки подоспевших жандармов. Пули с противным свистом прошили деревянную обшивку рубки.

Зарецкий стиснул зубы и скатился в тесный моторный отсек, пахнущий бензином и горелым маслом. В полумраке перед ним чернел одноцилиндровый двигатель Даймлера. Поручик никогда не был настоящим «студентом-технологом», но в тайной мастерской на Фонтанке Воронецкий заставлял его разбирать новейшие европейские моторы до последнего винтика.

Александр проверил подачу топлива, ухватился за пусковую рукоятку и со всей силы провернул тяжёлый маховик. Двигатель лишь глухо чихнул. На пирсе снова грохнули выстрелы швейцарских патрульных.

– Казанский! – взвыл Степан. – Заводи-и-и!

Зарецкий упёрся сапогом в переборку и крутанул маховик ещё раз, вкладывая в этот рывок всю силу. Двигатель захлебнулся, фыркнул, а затем тяжело, утробно затарахтел, сотрясая весь корпус катера. Гребной винт бешено вгрызся в воду Женевского озера.

Катер резко дёрнулся вперёд, уходя в спасительную серую завесу. Выстрелы на пирсе начали отдаляться, пока полностью не утонули в маслянистом тумане.

Через десять минут бешеной скачки по невидимым волнам стук цилиндров стал ровным. Александр выбрался из удушливого отсека на палубу и тяжело привалился к борту, подставив лицо озёрному ветру. Вокруг была лишь непроглядная ночная мгла.

Степан бросил штурвал на одного из боевиков и подошёл к Александру. Вожак тяжело дышал. Он посмотрел на рассечённую скулу Зарецкого, затем на чёрную воду за бортом.

– Ушли... – хрипло произнёс Степан, вытирая пот со лба. – Ты спас нас. Но ящик... Проклятые англичане. Наш динамит остался без зубов. Сигналы шхуны упущены. Что делать теперь, казанский? Куда нам плыть?

Александр медленно поднял глаза на вожака. Капкан Блэквуда был сломан, катер угнан, но Большая игра только начиналась. И теперь именно он, поручик Зарецкий, должен был прокладывать курс для этой банды слепых фанатиков.

***

Катер шёл на самом малом ходу. Зарецкий лично стоял у штурвала, ориентируясь по едва заметным очертаниям берега. Он направил судно к устью реки Версуа, в глухой, заросший высокой осокой залив на северной стороне озера. Здесь, среди затопленных ив, катер буквально растворился в тумане. Степан и уцелевшие нигилисты, обессиленные ночным боем, молча сидели на палубе. Александр заглушил двигатель.

В этот же самый час в роскошном номере отеля «Бо-Риваж» на набережной Монблан Артур Блэквуд стоял у широкого окна, выходящего на тёмное озеро. Его лёгкая английская крылатка и серый котелок были небрежно брошены на бархатное кресло. На ковре у ног британца стоял на коленях второй стрелок, спасшийся у причала. Его левое плечо было грубо перевязано.

– Угнали катер? – тихо, с обманчивой мягкостью переспросил Блэквуд, не поворачивая головы к подчинённому. – Вы хотите сказать, мистер Хопкинс, что горстка нищих русских студентов сумела прикончить моего лучшего курьера, перестрелять охрану и увести судно?

– Сэр... они знали, – прохрипел раненый. – Они ударили первыми, без предупреждения. Этот новый русский выстрелил первым! Он словно ждал нас...

Блэквуд резко развернулся. Его холёное лицо исказила ярость.

– Новый русский... – процедил он сквозь зубы, и серебряный набалдашник трости с силой обрушился на край дубового стола. – Проклятье! Я же предупреждал этого щенка Воронецкого! Старый лис с Фонтанки прислал сюда своего лучшего пса, а вы дали ему обвести себя вокруг пальца!

Блэквуд мерил шагами комнату, и его холодный ум криптографа Уайтхолла уже лихорадочно просчитывал ходы.

– Ящик... Где ящик, Хопкинс?

– В воде, сэр. Курьер выронил его перед смертью. Ящик ушёл на дно прямо у мола. Там мелководье, футов двенадцать, не больше, у второй сваи. Но дно илистое...

Блэквуд закрыл глаза, делая глубокий вдох. Без детонаторов и новых сигнальных таблиц, запертых в оцинкованном гробу на дне озера, русские радикалы превращались в кучку безвредных болтунов. А значит, Зарецкий вернётся туда. Он обязан вернуться за ящиком, если хочет узнать имя шхуны и спасти свой Кронштадт.

– Бельривский причал немедленно взять под скрытое наблюдение, – ледяным тоном приказал Блэквуд. – Немедленно выставить засаду из местных женевских агентов. Из воды не должно вынырнуть ни одной живой души. Если этот русский мальчик захочет поиграть в водолаза, мы устроим ему похороны прямо на озёрном дне.

***

Раннее утро окрасило Женевское озеро в грязно-серый цвет. В тесном полумраке кубрика угнанного катера Зарецкий разложил на кожухе моторного отсека обрывок топографической карты. Вокруг него сгрудились Степан и двое уцелевших боевиков.

– Искать ящик днём – самоубийство, – тихо, но твёрдо произнёс Александр. – Блэквуд не глуп. Наверняка его ищейки уже оцепили Бельривский причал. У нас есть только эта ночь, пока они не пригнали туда водолазов.

– Англичане не оставят этот мол без присмотра, – хмуро буркнул Степан, нервно хрустя пальцами. – Как ты собираешься доставать железяку? Нырять в воду в темноте? Да там ил в аршин толщиной! Нас перестреляют с берега как уток.

– Нырять никто не будет, – Александр вытащил из-за пояса тяжёлый нож и очертил на карте контур мола. – Ящик сорвался с левого борта, прямо у второй портовой сваи. Я точно запомнил ориентир, глубина там небольшая. Короб тяжёлый, из толстой оцинкованной жести, запаянный свинцом. Он ушёл в ил максимум на треть, не глубже. Мы зацепим его с палубы.

Поручик поднялся и вывел нигилистов на корму. За день камышовое убежище превратилось в настоящую мастерскую. На досках палубы лежали снасти, которые Зарецкий заставил парней спозаранку срезать с брошенных рыбацких лодок.

– Вот наше оружие, – Александр указал на тяжёлую кованую «кошку» – четырёхрогий якорь и два длинных багра, связанных вместе прочной бечевой. – Подойдём на самом малом ходу, без огней. Заглушим мотор за пятьдесят саженей до мола, а дальше дотянем по инерции и на вёслах. Действовать нужно наверняка. Прощупать на ощупь дно баграми у основания второй сваи, нащупать ребро короба, а затем опустить «кошку», чтобы она намертво зацепила стальную ручку или обвязку ящика.

Степан подошёл к самодельному тралу, потрогал пальцем стальной зубец и с невольным уважением посмотрел на Зарецкого.

– Слушай, казанский... Ты точно студент? У тебя хватка, как у матёрого балтийского контрабандиста. Откуда такие инженерные мысли?

– В Казанском университете на физико-математическом и не такому научат, если хочешь выжить при обыске, – убирая нож в ножны, отозвался Александр. – До темноты осталось три часа. Степан, проверь револьверы. Если англичане на пирсе откроют огонь, вы с парнями должны прижать их к земле любой ценой. Кронштадтский рейд ждёт свой динамит, и на дне озера он не останется.

***

Ночь опустилась на Бельривский причал вместе с плотным туманом. На берегу, в тени пакгаузов, не горело ни одного фонаря, но эта темнота была обманчивой. Артур Блэквуд лично стоял за углом старого деревянного сарая, накинув на плечи лёгкую английскую крылатку. Рядом с ним, за штабелями портовых досок, замерли четверо стрелков с новейшими британскими винтовками «Ли-Метфорд».

– Сэр, с воды слышен глухой всплеск, – одними губами прошептал стоявший рядом Хопкинс, придерживая перевязанное плечо. – Они идут. На вёслах. Мотор не заводили.

– Назад, – приказал Блэквуд. – Пусть подойдут к самой свае. Бейте без предупреждения, когда они забросят свои снасти. Нам нужен только новенький. Живым или мёртвым.

В пятидесяти саженях от мола угнанный катер бесшумно скользил по инерции. Мотор был заглушен. Александр лично стоял на носу, удерживая тяжёлую кованую «кошку» на прочном пеньковом лине. Самым слабым звеном оказался молодой боевик Гришка. Сейчас его колотила крупная дрожь. Запах чужой крови на палубе прошлым вечером окончательно надломил юнца.

– Мы умрём... они там, я знаю... – едва слышно бормотал Гришка, вцепляясь в рукоять старого револьвера. – Степан, давай повернём во Францию...

– Заткнись, паршивец, – прошипел Степан, сжимая его плечо. – Казанский, далеко ещё?

– Двадцать саженей, – отозвался Зарецкий. Чутьё жандарма било тревогу: берег был слишком подозрительно тихим. – Приготовиться. Степан, держи этого дурака.

Но было поздно. В темноте катер мягко ткнулся бортом в торчащую из воды старую веху. Раздался глухой, короткий стук дерева о дерево. Для обезумевшего от страха Гришки этот звук стал щелчком взведённого капкана.

– Ловушка! – дико, во весь голос закричал он, теряя остатки рассудка.

Палец Гришки конвульсивно дёрнул спусковой крючок. Выстрел старого револьвера грохнул над озёрной гладью. Вспышка на мгновение осветила перекошенное Гришкино лицо и Зарецкого, который уже оборачивался, понимая, что скрытности больше нет. Берег мгновенно ожил.

– Огонь! – донёсся из тумана приказ Блэквуда.

Хлёсткие залпы «Ли-Метфордов» разорвали ночную тишину. Пули британцев с противным частым цоканьем начали дырявить борта катера, щепа полетела во все стороны, а Гришка, не успев издать ни звука, повалился на доски палубы.

– В укрытие! – дико заорал Степан, втискиваясь спиной в переборку рубки и паля из своего «Смит-Вессона» в сторону невидимого берега.

Александр его не слышал. Катер по инерции как раз дотянулся до причала, и для поручика Зарецкого весь мир сузился до размеров чёрного провала воды у второй портовой сваи. Пули британцев вгрызались в палубу вокруг его сапог, выбивая сухую щепу. Одна из пуль пробила полу его потёртого пиджака, но он даже не шелохнулся.

Он действовал быстро и собранно. Опустив связанные багры в воду у самого основания чёрного бревна, Александр сделал резкое движение. На третьем толчке наконечник глухо упёрся в твёрдое угловатое ребро. Металл о металл! Ящик был там, едва присыпанный жидким придонным илом.

– Поймал! – выдохнул Александр.

Бросив багор, он точным, выверенным движением опустил тяжёлую «кошку» прямо по линии древка. Кованые рога ушли в воду, Зарецкий натянул линь, ведя снасть на ощупь. Короткий рывок, и стальной зубец плотно, намертво заклинило в наваренной ручке оцинкованного короба.

На берегу Блэквуд разгадал его манёвр.

– Берите правее! Он на носу! Снимите его! – донёсся сквозь грохот выстрелов его голос.

Хлёсткий залп ударил по носовой части катера. Одна из пуль вскользь задела левое плечо Александра, обожгла кожу, но поручик лишь стиснул зубы.

– Степан, к носу! Помогай тащить! – крикнул Зарецкий.

Вожак нигилистов на карачках переполз вперёд, ухватился за пеньковый линь позади поручика, и они вдвоём, срывая кожу на ладонях, потянули тяжёлый груз со дна. Ящик сидел в иле крепко, но слаженная сила побеждала. Из воды показался чёрный, блестящий от грязи контур короба Уайтхолла.

– Заводи! Заводи! – крикнул Александр единственному уцелевшему боевику, который от страха вжался в борт.

Тот лихорадочно бросился в моторный отсек. Двигатель после двух безумных рывков маховика утробно затарахтел. В этот самый миг тяжёлый ящик с глухим стуком перевалился через деревянный планширь борта прямо на палубу катера.

– Уходим! – рявкнул Степан.

Катер резко рванул с места, вспенив воду винтом, и на полной скорости понёсся прочь от проклятого мола, скрываясь в спасительном, густом тумане Женевского озера. Выстрелы британцев ещё несколько секунд вслепую догоняли их в темноте, но прицел был окончательно сбит. Зарецкий упал на колени прямо рядом с оцинкованным ящиком, тяжело дыша и глядя на сочащуюся из плеча кровь. **Детонаторы и сигнальные таблицы таинственной балтийской шхуны были в его руках.**

Катер снова укрылся в камышах устья Версуа. Ночной туман начал рассеиваться, уступая место серому рассвету. В тесном кубрике, при тусклом свете единственной свечи, на полу лежал покрытый озёрной тиной оцинкованный ящик. Степан сидел напротив, не сводя воспалённых глаз с добычи. Рядом на куске брезента лежало тело погибшего Гришки. Цена, которую они заплатили за этот груз.

Зарецкий, стиснув зубы, туго затянул чистой тряпкой раненое левое плечо и, пересиливая боль, взял тяжёлое портовое долото и молоток.

– Ну, чего ты ждёшь, казанский? – прохрипел Степан, и его рука инстинктивно легла на рукоять револьвера. Паранойя вожака никуда не исчезла. – Вскрывай. Посмотрим, ради чего мы проливали кровь и связывались с этими английскими тварями.

Александр приставил жало долота к свинцовой пломбе. Напряжение в кубрике стало осязаемым. Поручик понимал, что внутри ящика, помимо детонаторов, лежит то, ради чего Воронецкий отправил его в этот ад – кожаная папка с сигнальными таблицами Уайтхолла для шхуны. Если Степан увидит эти бумаги, легенда «бедного студента» рухнет в одно мгновение. Нигилистам нужны только бомбы, а шифры высшего порядка – это метка государственной тайны.

Александр нанёс первый удар. Металл звякнул, свинец лопнул. Зацепив край, поручик начал аккуратно отгибать тяжёлую крышку.

– Посвети ближе, – холодным тоном приказал Зарецкий, специально заставляя Степана потянуться за свечой и на секунду изменить угол обзора.

В этот короткий миг крышка с треском поддалась. Александр запустил руку внутрь короба. Свинцовая пайка выдержала, и внутри было сухо. Пальцы мгновенно нащупали холодные латунные гильзы детонаторов и... гладкий переплёт кожаной папки. Действуя на старой выучке Воронецкого, Зарецкий одним слитным движением выдернул папку и сунул её глубоко за пазуху, под полу пиджака.

В следующую секунду Степан наклонился над ящиком. На дне лежали ровные ряды смертоносных медных цилиндров.

– Детонаторы... – выдохнул вожак нигилистов, и на его сером лице впервые появилась хищная улыбка. – Настоящие, лондонские. Кронштадт взлетит на воздух! Мы сделали их!

Александр медленно опустил руку, чувствуя, как к спине прилипает холодный пот, а тяжёлая папка за пазухой давит на раненое плечо. Первая часть партии была выиграна, но сигнальные таблицы шхуны теперь жгли его грудь как клеймо.

В это же самое время на центральном телеграфе Женевы Артур Блэквуд лично передавал служащему бланк, испещрённый столбцами цифр. Срочная депеша уходила в Санкт-Петербург через дипломатическую почту Уайтхолла, защищённая высшим шифром Форин-офиса. Текст предназначался человеку, чьё имя никогда не произносили вслух в коридорах Департамента полиции. За сухими строчками коммерческого кода скрывался жесткий приказ:

«Щенок Воронецкого перехватил груз в Женеве. Сигнальные таблицы „Нордшеллинга“ у него. Ждите его на Балтике. Задействуйте внутреннего агента. Встретьте шхуну у Кронштадта и уберите всех без остатка. Ошибки быть не должно. Блэквуд».

Александр покинул камышовое убежище на исходе следующего дня. Оставив Степана и боевиков распределять детонаторы по тайным квартирам, он сослался на необходимость проверить «безопасность казанских каналов» на границе. Нигилисты отпустили его без лишних вопросов.

В маленьком номере дешёвой гостиницы на окраине Лозанны, куда он добрался вечерним поездом, Зарецкий наконец извлёк из-за пазухи кожаную папку Уайтхолла. Разложив на столе сигнальные таблицы шхуны «Нордшеллинг», он достал ключ четырёхкратной подстановки, который перед отъездом составила Анна Воронецкая.

Час за часом поручик переводил массивные британские данные в сухие, неприметные столбцы цифр. Это донесение нельзя было слать в Петербург напрямую. Александр использовал заранее утверждённый Воронецким «цепочечный» маршрут. Зашифрованный текст отправлялся на имя берлинского коммерсанта, который пересылал его дальше на подставной адрес Анны в пригороде Санкт-Петербурга.

Закончив шифровку, Александр уже собирался сжечь британские оригиналы, как вдруг его взгляд зацепился за оборотную сторону последнего листа. Там, среди служебных пометок лондонских клерков, химическим карандашом была небрежно набросана краткая инструкция для курьера на случай провала в России. Текст был на английском, но две строчки заставили Зарецкого похолодеть:

«In case of failure in Kronstadt, report immediately via Janus to the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, St. P.» («В случае неудачи в Кронштадте немедленно доложить через Януса в Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, СПб»).

Александр замер, сжимая лист в пальцах. Ошибки быть не могло. Британцы по старой привычке использовали устаревшее название – «Третье отделение». Сейчас эта структура называлась иначе: Третье делопроизводство Департамента полиции.

«Янус». Кодовое имя шпиона Уайтхолла внутри святая святых Российской империи. И этот человек сидел на самой Фонтанке, в том самом делопроизводстве, которое курировало командировку Зарецкого и читало все официальные рапорты.

Мозаика Большой игры сложилась пугающей изнанкой. Блэквуд знал о каждом шаге поручика в Женеве не потому, что британские агенты были всемогущими. Его сдал свой.

Александр поднёс спичку к углу английского документа. Пламя жадно слизнуло строчки о «Янусе», но в темноте гостиничного номера поручик понимал, что отправляя шифровку Анне, он делает смертельно опасный ход. Если «Янус» перехватит это донесение в Петербурге, шхуна «Нордшеллинг» станет для Зарецкого братской могилой на Балтике.